

The background of the cover is a stylized illustration of a turbulent sea. Large, dark blue waves with white foam are crashing. In the bottom right corner, a small wooden boat with a thatched roof is partially visible, struggling against the waves. The overall style is reminiscent of a woodcut or a graphic print.

ГАБРИЭЛЬ ЗЕВИН

ЗАВТРА, ЗАВТРА, ЗАВТРА

ПЕРЕВОД МАРГАРИТЫ ЛОБИЯ

18+

роман

МИО

*Посвящается Х. К. Снова.
С тобой — и в работе, и в играх...*

То — что Любовь — это все —
Вот все — что мы знаем о ней —
И довольно!
Должен быть груз приноровлен к силе тяжести*.

Эмили Дикинсон

* Пер. В. Марковой.

I

БОЛЬНЫЕ ДЕТКИ

Прежде чем Мазер стал Мазером, он был Самсоном Мазером, а еще прежде — Самсоном Масуром или просто Сэмом, увенчавшим ником С.Э.М. зал славы «*Донки Конга*», игры, в которую он резался на аркадном автомате дедушки. Так изменение двух букв превратило милого, типично еврейского паренька в виртуозного Творца миров.

Декабрьским полднем клонившегося к закату двадцатого столетия Сэм вышел из вагона метро и увидел, что проход к эскалатору забит плотной толпой неподвижно застывшего народа. Раскрыв рты, люди тарасились на какую-то рекламу. Сэм опаздывал. Декабрь близился к концу, и ему кровь из носа надо было встретиться с научным руководителем до начала каникул. Он откладывал эту встречу уже больше месяца. Сама по себе толпа его не занимала: чем бы эти идиоты ни тешились, лишь бы не путались под ногами. Но ведь они путались. Их было не обойти. А значит, чтобы выбраться из этого месива на свет божий, ему придется пробивать дорогу локтями.

Сэм поежился под несуразным и тяжеленным шерстяным бушлатом, которым разжился у соседа по комнате, Маркса. Маркс еще на первом курсе купил бушлат в комиссионном армейском магазинчике и забыл о нем почти на целый семестр, оставив валяться в пакете в прихожей. Его неминуемо съела бы моль, если бы Сэм не положил на него глаз. Зима в тот год

выдалась особенно лютая, но доконала Сэма не она, а апрель (о, этот апрель! о, эти безумные массачусетские зимы!) с его шквалистым северо-восточным ветром, и Сэм, подавив гордость, выпросил у соседа преданное забвению пальто. Соврал, что ему нравится фасон. Маркс, как Сэм и предвидел, ответил: «Носи на здоровье». Бушлат, подобно большинству приобретаемой в военных комиссионках одежды, пропах плесенью, пылью и смертью, и Сэм старался не думать, каким образом он очутился в магазине. По крайней мере, согрел он намного лучше калифорнийской ветровки, в которой Сэм щеголял почти весь первый год обучения. А еще Сэм втайне надеялся, что слоноподобный бушлат придаст ему солидности и веса. Вышло, однако, наоборот, и облаченный в бушлат Сэм казался меньше и моложе своего возраста.

Иными словами, двадцатиоднолетний Сэм Масур не обладал сложением человека, перед которым толпа соизволила бы расступиться, как море, и посеумо, словно злополучный лягушонок из видеоигры «*Frogger*», начал протискиваться между людьми, бормоча извинения, хотя никакой вины за собой не чувствовал. «Потрясающе все-таки кодируется информация в человеческом мозге, — попутно восхищался он. — Говоришь: “Простите”, а думаешь: “Пошел к черту!”». В романах, фильмах и играх персонажи, если, конечно, автор нарочно не наделял их характерными чертами психопатов или отъявленных мерзавцев, всегда говорили то, что думали, и вели себя соответствующе. Их слова никогда не расходились с делом. Однако люди, обычные, честные и в основном добропорядочные люди, постоянно твердили одно, а делали, чувствовали или подразумевали совсем иное. Сбой в программе, не иначе.

— Куда прешь? — заорал на Сэма человек в шляпе с черно-зеленой бахромой.

— Простите, — прошептал Сэм.

— Твою ж мать! Я почти углядела! — выругалась в спину Сэма женщина с младенцем в слинге.

— Извините, — вздохнул Сэм.

Время от времени кто-нибудь поспешно выбирался из толчеи, образуя спасительную для Сэма лакуну. Но стоило Сэму кинуться к ней, как его опережал очередной зевака, и толпа снова смыкалась, завороченная происходящим.

Почти добравшись до эскалатора, Сэм обернулся посмотреть, что же так заинтересовало людей. Он представил, как сегодня вечером расскажет Марксу о давке в метро, и тот воскликнет: «Неужели тебя не разобрало любопытство? Ну почему ты такой мизантроп? В мире происходит столько всего интересного». Сэму, мизантропу до мозга костей, не хотелось, чтобы Маркс считал его мизантропом, и он оглянулся. И увидел старого боевого товарища, Сэди Грин.

Нельзя сказать, что за все эти годы они ни разу не встретились. Они вечно натыкались друг на друга на математических олимпиадах, научных ярмарках, днях открытых дверей в университетах, чемпионатах по ораторскому искусству и робототехнике, курсах по литературному мастерству и программированию и мероприятиях, где чествовались выдающиеся ученики. Потому что неважно, где ты учишься — в заурядной государственной школе на востоке (Сэм) или в крутой частной школе на западе (Сэди), — важно одно: если на плечах у тебя голова, а не кочан капусты, то в Лос-Анджелесе ты ходишь одними и теми же стежками-дорожками вместе с подобными тебе уникалами. Они постоянно обменивались взглядами через

головой высоколобых подростков. Порой она одаривала его улыбкой, словно подтверждая, что пакт о ненападении остается в силе, а затем присоединялась к своим неизменным спутникам — хищной ватаге бесподобных юных интеллектуалов. К мальчикам и девочкам в стильных дорогих очках, превосходивших Сэма всего лишь богатством, белизной кожи и крепостью зубов. Он сторонился их. Не желал, чтобы его считали очередным гиком-уродцем, которые так и вились вокруг Сэди. Иногда он представлял ее в роли злодейки: воображал, как она предавала его, отворачивалась, отводила глаза. Однако она ничего такого не делала, а жаль. Ему было бы намного легче.

Он знал, что она поступила в Массачусетский технологический университет, и гадал, пересекутся ли когда-нибудь их пути. Сам он учился неподалеку, в Гарварде, и за два с половиной года не предпринял ни единой попытки хоть как-то приблизить их встречу. Не предприняла этой попытки и она.

И вдруг возникла перед ним во плоти и крови. Сэди Грин... Он чуть не разрыдался. Кусочки мозаики сошлись. Словно ученый, годами бившийся над ускользавшим от него доказательством теоремы, он внезапно посмотрел на задачу свежим, незамысленным взглядом и увидел очевидное и единственно верное решение. *Сэди. Да.*

Он уже было окликнул ее, но вовремя спохватился, припомнив, сколько воды утекло с тех пор, как они с Сэди оставались наедине. Невероятно. Подумать только, он так молод, а ему давит на плечи груз прожитых лет. И надо же, он совсем позабыл, что презирает ее. «Время, — изумился он, — тайна за семью печатями». И тут же поправил себя: «Нет, время — математически вычисляемая величина, но сердце, точнее часть

мозга, отвечающая за работу сердца, — вот тайна за семью печатями».

Вдоволь налюбовавшись околдовавшей толпу рекламой, Сэди развернулась и направилась к платформе красной ветки метро. К платформе приближался поезд.

— СЭДИ! — не удержавшись, заорал Сэм, но крик его потонул в грохоте прибывающего поезда и обычном для метро человеческом гомоне.

Девочка-подросток, надеясь подзаработать, играла на виолончели что-то зажигательно авангардное. Мужчина в узорчатой жилетке учтиво спрашивал прохожих, не найдется ли у них свободной минутки для беженцев-мусульман из Сребреницы. Сэди пристроилась рядом с киоском, продававшим фруктовые коктейли за шесть долларов, и в тот миг, когда Сэм окликнул ее, ожил, зажужжав, блендер, и спертый, удушливый воздух подземки наполнился ароматами цитрусов и земляники.

— Сэди Грин! — снова завопил он.

И снова она его не услышала. Он как мог ускорил шаг. Странно: всякий раз, когда он прибавлял ходу, ему представлялось, что он участвует в дурацком парном забеге и его нога накрепко связана с ногою партнера.

— Сэди! СЭДИ! — взывал он, чувствуя себя дурак дураком. — СЭДИ МИРАНДА ГРИН! ТЫ УМЕРЛА ОТ ДИЗЕНТЕРИИ!

Слава небесам, она обернулась. Внимательно оглядела толпу, заметила Сэма, и губы ее неторопливо, словно розы, расцветающие в замедленной кино съемке, виденной Сэмом на уроке физики в старших классах, расплылись в улыбке. Чудеснейшей и, забеспокоился Сэм, чуточку фальшивой. Сияя улыбкой, ямочкой на щеке и крошечной щербинкой между верхними зубами, Сэди двинулась на него, и, как померещилось

Сэму, толпа тотчас отхлынула в разные стороны — чудо, никогда не удававшееся ему самому.

— Это моя сестра умерла от дизентерии, Сэм Масур, — рассмеялась она. — Я же умерла от истощения и укуса змеи.

— И потому, что не захотела пристрелить бизона, — напомнил Сэм.

— Ну пристрелила бы я его, а что толку? У него же не мясо, а тухлятина!

Она обвила его руками.

— Сэм Масур! Как долго я ждала нашей встречи!

— Мое имя есть в телефонном справочнике, — многозначительно сказал Сэм.

— Но я-то хотела, чтобы все получилось само собой. Естественно и гармонично. Так, как сейчас.

— Что привело тебя на Гарвардскую площадь? — спросил Сэм.

— Волшебное око, ясное дело, — ребячливо ухмыльнулась она и ткнула пальцем в рекламу.

Только сейчас Сэм увидел большой, метр на полтора, рекламный плакат, превративший прохожих в скопище зомби.

ВЗГЛЯНИ НА МИР ПО-НОВОМУ. ВОЛШЕБНОЕ ОКО — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО!

Плакат состоял из беспорядочного скопления ярких рождественских узоров — изумрудных, рубиновых и золотых. Узоры, если долго смотреть на них, создавали оптическую иллюзию, и перед глазами наблюдателя появлялось скрытое трехмерное изображение. Подобные картинки назывались автостереограммами, и любой мало-мальски способный программист мог

наклепать их за считанные минуты. «Уму непостижимо, — подумал Сэм. — Неужели людям действительно это нравится?» Он глухо застонал.

— Не одобряешь? — усмехнулась Сэди.

— Да такой белиберды в любой общаге — пруд пруди.

— А вот и не такой, Сэм. Это изображение уникально, как...

— Как станции подземки в Бостоне.

— Или во всей Америке? — расхохоталась она. — Значит, Сэм, ты не желаешь взглянуть на мир волшебным оком?

— Я и так гляжу на мир волшебным оком. Словно ребенок. И меня распирает от изумления.

— Но посмотри, как он счастлив! — Сэди указала на малыша лет шести. — Он увидел картинку! Вот молодец!

— А ты ее видела? — поинтересовался Сэм.

— Пока нет. И если честно, мне не до нее, я хочу успеть на следующий поезд. Опаздываю на лекцию.

— Да ладно. Уверен, у тебя есть пять минут в запасе, чтобы взглянуть на мир волшебным оком, — подзадо- рил ее Сэм.

— Нет, лучше в следующий раз.

— Брось, Сэди. Лекция никуда не денется. Как часто ты смотрела на какую-то вещь и знала, что все вокруг видят ее точно такой же, как и ты? Как часто твой мозг и глаза воспринимали то же самое, что и мозг и глаза других людей? Как часто тебе удавалось получить доказательства, что все мы живем в одном и том же мире?

Сэди печально улыбнулась и легонько толкнула Сэма в плечо.

— Типичные сэмовские речи.

— Так я же Сэм. Просто Сэм.